

Незадолго до смерти Юрий Щекалев издал свою первую и последнюю книгу рассказов

ВЫВЕРЯЯ КАЖДОЕ СЛОВО

Литературное объединение «Магнит» понесло утрату. После тяжелой продолжительной болезни от нас ушел талантливый прозаик Юрий Викторович Щекалев. Более двадцати лет он посещал занятия литО, активно участвовал в обсуждениях творчества авторов, был объективным, мягким и доброжелательным. Писал он медленно, выверяя каждый сюжет, композицию, слово. Рассказы его читаются легко, но западают в душу. Незадолго до смерти он издал свою первую и последнюю книгу «Будем здоровы?!» Сегодня мы предлагаем четыре небольших рассказа из этой книги.

Оплеуха

Морозец был замечательный – пощипывал, но не кусал. Медленно падал снег, и в свете уличных фонарей его хлопья казались неправдоподобно большими. Шагали по своим делам пешеходы, громыхали по рельсам трамваи, тяжело катили переполненные автобусы, сновали кокетливые легковушки, среди которых акулами шныряли бесцеремонные таксы.

Обычный вечерний город. Но в этот вечер его слегка лихорадило: торопливая поступь на редкость улыбочных прохожих, помаргивание разноцветных огоньков в окнах домов... Все говорило о приближающемся Новом годе.

Среди прочих горожан у автобусной остановки стояли двое. Она, в модном пальто с окантовкой под мех, светила молодостью и красотой. Пальто выделяло ее из людской массы, что при удачном сложении девушки не могло ей повредить, но это же не по возрасту броское пальто «подкладывало пигалице свинью» и навредило на размышления о бюджете ее родителей. Впрочем, девушке ничего такого не казалось. Она хмелела от собственной неотраженности, и благосклонная улыбка беспрестанно сияла на ее мордашке.

Он – долговязый птенец, насмерть влюбленный в собеседницу, что-то лепетал ей, заискивая улыбка. Такая улыбка портила лицо парня с предполагаемой многогранной одаренностью в чертах, вносила элемент комичности в его облик.

Конечно, замызанная шуба, не новые летние туфли мало гармонировали с нарядом девушки, и без «комплексов» здесь не обойтись. Однако робкие мысли о взаимности ударили кровь, а жемчужная улыбка Шуручки, ее обещание встретить Новый год вместе... Черт побери! Какое им дело до шубы. Их ожидают море любви и счастливая, дружная жизнь. Шуручка ворвалась в его, Вальки Осипова, будни неделю назад. Она будет поступать в институт, где он – Валька – уже первокурсник... Они вчера целовались в подъезде...

Эх!... Куда же запропастился автобус?!

Малиновые «жигули» притерлись к борке и остановились в нескольких метрах от Шуручки и Валентина. Отворилась задняя дверца, из салона ловко выскочил и уверенно подошел к парочке надушенный молодой мужчина в безупречной черной тройке. От него так аппетитно пахло недавно выпитым, видимо, хорошим вином, что можно было восторженно заорать: «Да здравствует вино!..»

Мужчина, словно Валентина и не существовало, полюбил Шуруч-

ку за плечи и, увлекая ее в сторону, спросил недурно поставленным баритоном:

– Вы, Шуручка?

Он шептал Шуручке на ухо, она лучезарно улыбалась и шла с незнакомцем к тихо урчащему «жигуленку».

Вальки для нее не бы-ло!

Легковушка с треском захлопнулась, буксанула задними колесами, сорвалась с места и растворилась в белесом снежном великолепии.

Валентин, ничего не соображая, стоял и бессмысленно хлопал глазами. Кружилась голова. Во рту пересохло.

Вот так Шуручка!

Валентин ощутил в руке тяжесть полиэтиленовой сумки с бутылкой болгарского вина, шмякнул ею об урну и поплелся прочь от остановки, чувствуя себя ничтожным, оплеванным гномом. Ему казалось, что все люди с насмешкой смотрят ему вслед. От этого голова втягивалась в плечи. Стыд и боль глушили парня, и краска заливала лицо.

Так же медленно падал пушистый снег, где-то куранты отзванивали полночь, а Валька, убитый, брел из улицы в улицу... с трешкой в кармане и с великими надеждами на будущее.

Желтые розы

Кто-то здорово молился за Сергу Смирнова. Он чудом остался живым и невредимым после падения во время монтажа. Чудом было то, что перекрытие, которое «по всем правилам» должно было аккуратно расплющить Сергу, неожиданно кувырнулось и, заклинившись между стеной и перилами, покачиваясь, зависло над лохматой головой считавшего себя уже мертвым парня. Радость жизни, охватившая Сергу, заглушила боль от удара о бетон, а царапины по всей спине – какие пустяки!.. Отдышавшись, он даже доработал смену. После этого случая Серга добросовестно набрался с Толькой Огоньковым. Разобидевшись на серую, одинокую и при друзьях, такую непрочную жизнь, он полез на высоту пятнадцатитажного дома – знакомиться с крановщицей, о ком только и знал... ножки да мордашка. С пьяных глаз не нашел лестницы и лез по телу работающего башенного крана, а на опасность в том состоянии он плевать хотел.

По вибрации чуткого, как струна, механизма Танечка Озерова поняла, что кто-то взбирается к ней. Она приготовилась к визиту инспектора по технике безопасности. «Инспектор» своим появлением перепугал девушку: «Ну не дурак ли: собрался полететь с такой высоты!.. Этого парня с широкими плечами она видела в пересменках и, боясь за него, впустила в кабину. Сергу «понесло». Он

рассказал Танечке о подруге, не дождавшейся его из армии, о том, что родители далеко и что он один как перст. Если бы не спиртное, Смирнов никогда не решился бы на подобные откровения с девушкой. А тут... разве что не прослезился.

С крана они спустились вдвоем. Жизнь Серги наполнилась смыслом. Тольке пришлось искать другого собутыльника. А Серга в новом костюме, при галстучке и (черт возьми) с цветами отирался у женского общежития.

Они с Танечкой сходили в кино, посидели в «Кафе-мороженое»... Расставаться не хотелось. Тихонько беседуя, бродили по вечернему городу, потом пошли в сад какого-то института. Целовались, замирая от трепета сердец. И вдруг увидели, что стоят у огромного куста чайных роз.

– Что, Таня, похулиганим?! – улыбаясь, предложил Серга. Подразумевалось, что они сорвут несколько цветков и пойдут дальше. Но Танечка набросилась на куст. Она безжалостно драла беспомощные цветы. Серга оторопело смотрел на нее и краснел в темноте. С высоты 21 года он не разглядел детскости в подруге, а увидел лишь бездушность и алчность.

Опустив голову и пряча глаза, Серга шел рядом с Танечкой. Они могли стать красивой парой, но он проводил девушку до общежития и ушел, чтобы никогда не возвращаться.

Стебелек

Для зимы его экипировка была сносной: потертая на локтях черная шубейка и подшитые дедом старенькие валенки. Но летом он шеголял в бледно-зеленых рейтузах, служивших ему одновременно и штанишками, и рубахой.

Мама Вальки Стеклова – красавица с грустными глазами – жила на Севере, где хрупкий мальчишечка, прозванный за худобу Стебелем, часто болел. По этой причине Стебелек на несколько лет переехал в теплый приволжский городок к деду и бабе.

В доме стариков жили без разносолов. Хоть в магазинах все лежало в изобилии, в сахаре ограничивали даже мальчика. Добытчиком являлся старший сын стариков Анатолий – крупный мужчина с красивой, хорошо посаженной головой. Он вернулся с войны, принес в дом радость и боль: уходил цветущим красавцем, а пришел седым ребенком, не зная назначения часов. После госпиталя, где был ранен и где лечился, не знал: помнил только, что везли его на танке.

Дед по старости приработывал шорником. Анатолий добывал хлеб трудом грузчика и, принося домой деньги, не видел различия между рублем и десяткой.

Мама регулярно высылала деньги на содержание сына, но их почти целиком пересылали в Ленинград младшему незадачливому дяде-студенту.

Летом сводить концы с концами помогал сад-огород, зимой же белый хлеб ели не часто. И все-таки раз в день дед торжественно вручал мальчику прозрачный розовый леденец, что чрезвычайно нравилось Стеблю.

Чаще всего Валя был предоставлен самому себе и познавал мир самостоятельно. «Что» и «почему» сыпало из него постоянно, и дед, делая страшные глаза, вещал, показывая на внука пальцем:

– Цэ хлопце шутоломной породы!..

Однажды в воскресный день, когда светило ясное солнышко, Стеблю с утра начало крупно «не везти». Дед, зайдя голубятник, тяготы жизни сопроводивший кудрявой фольклорной матерщиной, отправился на базар, что было торжественным ритуалом. Баба за игру внука с лягушкой, которую он поймал в огороде, надрала ему уши и, оставив мальчика с крупными, как горошины, слезами, ушла в магазин. Отплакавшись по выброшенной лягушке, Стебель пошел за сарай, но атакованный курами, в панике бежал, волоча зацепившееся за ногу обмундирование. Анатолий обивал дранкой стены в летней кухне, напевая фальцетом одну и ту же строчку из песни: «Синенький скромный платочек...» И позорного бегства племянника не видел. Изредка он начинал ворчать – значит, попадал молотком по руке – и, подув на «отсушенные» пальцы, снова постукивал молотком и

исполнял: «Синенький скромный платочек...»

Пятилетний Стебель пошел в огород, долго искал, но другой лягушки не нашел. Тяжко вздыхая по исчезнувшей игрушке, он решил полакомиться пальми яблоками, плавающими в наполовину наполненной водой металлической бочке. Мальчик уперся животом в завальцованный край, нагнулся и соскользнул в бочку головой вниз. Стебель не утонул лишь потому, что Анатолий услышал барахтанье и выдернул за ноги перепуганного, но живого мальчугана.

Детские слезы, как роса. И скоро дядя с племянником сидели, радуясь теплу, и ели сочные яблоки. Два ребенка – большой и маленький.

У маленького впереди была целая жизнь, по большому счету оплаченная большим.

Как расстаются любимые

Объяснение между ними было коротким, но бурным. Через пять минут, вставивших в себя и взаимные упреки молодоженов, и рожденное в перепалке глубокое убеждение обоих в том, что они не пара, и слезы женщины, и т. д., об пол грохнулась тарелка. Не успели фарфоровые брызги разлететься, как другая тарелка, пушенная теперь уже твердой мужской рукой, украсила пол белоснежными осколками. На этом боевые действия прекратились. Наступила тишина. Противники рассредоточились по разным углам комнаты и занялись неизбежными при разводе приготовлениями.

Он что-то бурчал себе под нос, укладывая в чемодан книги. Она всхлипывала, сметая с трюмо в сумочку батарею косметических тубиков и склянок.

За этим занятием их и застала ночь.

Он, будучи джентльменом, уступил недавней подруге кровать. Сам же расположился на спартанском ложе: на старом пальто...

Она глядела в невидимый потолок и заново переживала случившееся. Все было предельно ясным: муж, отказывающийся мыть посуду (подумать только... устал на работе), – это не муж. Устроить скандал из-за элементарной посуды... Не мог помыть... Нет-нет! Примирения не будет. Хватит!..

Она вспомнила все его поступки за три месяца совместной жизни. Ничего хорошего за эти месяцы он для нее не сделал. Куда же она глядела, выходя замуж за этого беспардонного грубияна... Она всплакнула и незаметно для себя уснула. Поздно ночью женщина проснулась и долго не могла сообразить: почему рядом нет теплого мускулистого мужчины с мерно поднимающейся в такт дыханию грудью. Она часто любовалась спящим дорогим ей человеком. Где же он?... Тут она вспомнила о вчерашнем скандале. Все мгновенно встало на свои места: развод и только развод! А посуду, назло ему, надо пойти и помыть...

Она поднялась. Осторожно ступая в темноте, пошла на кухню. Возле двери столкнулась с ним.

– Ты куда? – спросила она шепотом.

– На кухню, – виноватинкой в голосе произнес он.

– И я на кухню, – расцвела она.

Посуда осталась грязной, зато обе враждующие стороны бок о бок вернулись в комнату, клянясь друг другу в вечной любви.

Через неделю на той же кухне гранатой разорвалась тарелка. И вновь начались спешные приготовления к разводу, которому никогда не суждено будет состояться.